

Крашевского интерес к стихийным силам, вызывающим мощную эмоциональную реакцию: прежде всего страх и ужас перед опасностью или неотвратимостью каких-либо событий. Поскольку повествование в романе замыкается на военных событиях, противостоянии людей разных жизненных позиций, подобная реакция оправдана и ожидаема. Действительно, пейзаж Крашевского во многих случаях условен, обобщен, в нем преобладает не столько чудесное, сколько порой фантастическое.

Функции пейзажа у Крашевского разнообразны: это и создание особого эмоционального настроения, и предварение событий, и особый способ выражения философско-исторических, нравственных взглядов художника слова.

Мир природы, воссозданный польским классиком в историческом романе, еще раз убедительно доказывает свою полифункциональность, актуальность в различных жанровых формах, модификациях. Образ природы укрупняет различные позиции (герой, сюжет, проблемное поле, пр.) в повествовательном пространстве произведения, наряду с другими средствами, приемами позволяет автору убедительно и художественно достоверно реализовать творческий замысел.

Литература

1. Джексон, Р.-Л. Время и путешествие: метафора для всех времен. «Степь. История одной поездки» // Чеховиана. Чехов в культуре XX века : ст., публ., эссе. – М., 1993. – С. 8–16.
2. Ширина, Е.А. Художественное осмысление природы в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон»: традиции и новаторство [Электронный ресурс]/ Е.А. Ширина : Дис. канд. филол. наук. Белгород, 2001. – 201 с. Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-osmyslenie-prirody-v-romane-epopee-m-sholokhova-tikhii-don-traditsii-i-nova>. – Дата доступа : 11.11.2011.
3. Крашевский, Ю.И. Маслав. Кунигас. Исторические романы / Ю.И. Крашевский; пер. с польского. – М., 1994. – 432 с.

Жигалова М.П.

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, ДИДАКТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Своеобразие поликультурного региона Пограничья состоит в том, что в одном ареале вынужденно «соседействуют» различные общности людей не только с разными культурными ценностями и социальным опытом, но и с присущими антропологическими различиями, особенностями в психической структуре личности (темперамент,

акцентуации характера, особенности становления основных психических процессов и т.д.). При этом в любом из этих аспектов каждая народность оригинальна.

В подобном этническом взаимодействии проявляется достаточно противоречивая тенденция. С одной стороны, имеют место явные признаки отчуждения национальной культуры основных этносов региона, и эти потери оказались неизбежным результатом их многовекового совместного существования в едином регионе и внешних условий. С другой – трансформация, взаимодействие и обогащение всех этнических культур мультикультурного пространства Пограничья.

Достаточно сказать, что уже многие годы здесь востребована и успешно функционирует наравне с белорусской литературой и русскоязычная. Она создана не только этническими русскими, но и украинцами, евреями, литовцами и т.д., которые проживают в регионе и пишут на русском языке. Это, безусловно, является свидетельством внимания к инациональным культурам, фактором обогащения культуры Пограничья в целом и фактом сохранения этнического сознания наравне с формированием картины мира мультикультурной личности [10, 399–408].

Все эти признаки конституируют этнос и являются важнейшими демаркаторами этнических границ, которые в первую очередь проявляются в языке и литературе, формируют национальное самосознание. Объективировавшись, став фактором жизни, национальное самосознание выступает существенной характеристикой национальной принадлежности.

Одним из значительных направлений формирования национального самосознания современной молодежи Пограничья является преодоление отчужденности от национальной культуры. Поэтому воспитание у молодежи уважительного отношения к национальным традициям и обычаям, историческому наследию, языку неосуществимо без развития полноценного национального самосознания. Вместе с тем без воспитания чувства любви к своей национальности, без освоения молодежью национальной культуры невозможно сформировать у нее уважительное отношение к другим культурам, обеспечить овладение ценностями общечеловеческой культуры.

В процессе формирования у молодежи национального самосознания важную роль должны играть семья, школа, высшие учебные заведения, молодежные организации и союзы. На территории региона есть все условия для сосуществования и взаимодействия разных этнических групп и в рамках государственных учреждений. Например, в структуре образовательно-воспитательных учреждений польских меньшинств брестско-польского Пограничья в настоящее время важное место занимают воскресные школы и кружки, факультативы по изучению

польского языка и литературы. В центре молодёжного творчества г. Бреста важную роль играют такие формы преподавания, как совместное проведение праздников, коллективных национальных игр и т.д.

Важным условием возрождения и поддержания национальной жизни выступают для поляков в регионе Пограничья религиозные организации, костелы, католические монастыри, при которых создаются воскресные школы, что способствует национальному самоопределению прихожан. Неразрывно с обучением национальному языку и культуре связан воспитательный процесс, подчиненный передаче молодежи польских национальных ценностей. Классные часы, тематические вечера, викторины, работа различных кружков, организация национальных праздников – всё это способствует формированию у молодежи, обучающейся в школах, где есть факультативы по изучению польского языка, национального самосознания, освоению соответствующих традиций и жизненного уклада, разработке на этой основе целей собственной жизни и способов удовлетворения индивидуальных потребностей. Кстати, небольшой процент от общего количества учащихся – представители белорусской, русской наций. Во многих школах Бреста также есть классы, где изучают польский язык и литературу, основы польской культуры, причем как факультативно, так и в качестве обязательного второго иностранного языка (например, СШ № 9 г. Бреста). В Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина осуществляется подготовка филологов по специальности «Русский язык и литература. Иностранный язык (польский)», где готовят учителей польского языка и литературы. Студенты собирают фольклорный материал в регионе брестско-польского Пограничья, выезжают на практику в Польшу, работают в архивах. Задача профессорско-преподавательского состава вуза – готовить будущих педагогов с высоким уровнем национального самосознания, способных оберегать культурное наследие народа, развивать у своих воспитанников чувство любви к польскому языку.

В Люблинском университете имени Марии Склодовской-Кюри на филологическом факультете тоже изучается русская и белорусская словесность.

В 2011 году в Брестском университете имени А.С. Пушкина для студентов филологического факультета специальности «Русская филология» курсов специализаций по изучению русскоязычной литературы Брестско-Подлясского Пограничья также направлено на формирование патриотизма и уважительного отношения к инонациональным культурам.

Таким образом, можно выделить основные факторы формирования национального самосознания в молодежной среде:

– родной язык. Учащиеся и студенты с помощью языка познают национальную культуру своего народа. Однако нельзя и абсолютизировать роль этого фактора. Важна и национальная направленность процесса обучения и воспитания;

– знание истории народа, национальных героев, которые внесли свой вклад в развитие просветительства и этнической культуры;

– знание культурологии, которая опирается на все виды народной культуры, особенно на знание обрядов, традиций, фольклора, которые активно формируют элементы национального самосознания.

Если первый и второй факторы реализуются через систему учебных занятий, помогающих молодежи осознать необходимость знания родного языка, национальной истории, пользоваться этими знаниями в жизни, то изучение обрядов, традиций осуществляется через организацию праздников, вечеров, ставших уже традиционными. Проведение праздников, придание им народного колорита требует огромной подготовительной работы как учащихся, так и педагогов.

Формирование национального самосознания у молодежи базируется на родной культуре, которая является источником преемственности между современниками, их предшественниками и наследниками.

Следует заметить, что для эффективного воспитания национального самосознания у молодежи необходимо заложить и психологический фундамент: механизмы рефлексивной, самопознавательной деятельности, сформировать Я-концепцию, в которую входит осознание самого себя как представителя определенного этноса, носителя национального характера. Это в определенной степени и должно определять сущность этнокультурной социализации молодежи в регионе брестско-польского Пограничья, которая сохраняет как национальные культуры (прежде всего), так и интернациональные элементы культуры, воспроизводство уже сложившихся традиций и развитие новаций, поддержку межнационального общения и обогащение культур.

Таким образом, содержание этнокультурной социализации молодежи включает в себя освоение родного национального языка и его применение, освоение основ родной национальной культуры и использование их в повседневной практике.

Однако как следствие в таких мультикультурных традициях наблюдается неизбежная деформация этнической истории. Происходит так называемое «конструирование на различных уровнях рефлексии» каждым носителем этноса своей модели мира, «на протяжении веков репрезентируемой в художественной форме через совокупность фольклорных и литературных текстов» [3, 81–83].

Сформировавшись как принципиально пограничная культура белорусско-польского региона, культура Брестско-Подлясского Пограничья может характеризоваться еще и тем обстоятельством, что в отличие от «классических» цивилизаций стратегическая роль в ней принадлежит не культурному синтезу, а культурному симбиозу, явившемуся ее основным культурообразующим механизмом: «Симбиотические же взаимосвязи различных интегрирующих элементов, образующих основу социокультурного пограничного образования, обеспечивают, в свою очередь, его неустойчивую стабильность» [12, 181].

Поэтому существование индивида «на культурном пограничье» означает не просто более-менее безболезненную и уверенную миграцию из своей культуры в соседние и обратно, а пребывание в специфических «культурных сумерках». Здесь «свое – отчуждено, а чужое – все-таки свое», или, иными словами, «существование между Отчизной и Чужбиной, которые на самом деле оказываются двумя ликами одного целого» [1, 112]. В связи с этим в полицентрическом пространстве культурного многообразия процесс индивидуальной самоидентификации для носителей пограничной культуры представляет собой некоторое балансирование «между».

Именно на белорусско-польском Пограничье владение и попеременное использование нескольких различных языков, а здесь используются преимущественно русский в городах, и «трасянка» (то есть, русско-белорусско-польско-украинский диалект в деревнях), каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, является нормой. Заметим, что молодёжь часто использует в коммуникативном полилоге со сверстниками – иностранными студентами, в частности, – английский, немецкий, польский языки. Это и есть мультилингвизм и мультикультурализм в действии, что является неотъемлемым требованием в современном глобализирующемся мире.

Однако, мультилингвизм – не только способность говорить на нескольких языках, это еще и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких народов, цивилизаций, мышление, открытое к взаимопониманию, к осмыслению культур разных собеседников. Из этого следует, что мультилингвизм является одним из главных средств налаживания межкультурного диалога, достижения толерантности и взаимопонимания, помогающих преодолению противоречий и конфликтов, которые время от времени возникают в многонациональном мировом пространстве.

Здесь следует учитывать тот факт, что существует мультикультурализм естественный и искусственный. В белорусско-польском Пограничье он естественный, так как все языки используются в

языковой среде. Важно отметить и то, что при таком мультикультурализме коммуникативный аспект культурно значимого текста не нуждается в переводе, а автоматически перерастает в межкультурное взаимодействие, в диалог, а в некоторых случаях и в полилог. Поэтому главная цель мультикультурализма белорусско-польского Пограничья – возрождение и укрепление различных языков и культур, сохранение языкового многообразия и вместе с тем способствование эффективной межкультурной и межэтнической коммуникации [11, 22–25]. Однако следует подчеркнуть, что всякая пограничная культура, даже будучи вынужденно обреченной на перманентные культурные контакты и взаимосвязи, демонстрирует не только способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, но и в какой-то мере «консервирует» свой архетипический код, весьма пока неопределенный, и, может быть, даже еще неназванный для его носителей в силу отсутствия их полноценного полилога со своими культурными соседями.

В рамках обозначенного подхода проблематичность исследования и квалификации исторических процессов и феномена белорусско-польского Пограничья должны определяться прежде всего фактом очевидной «неоднозначности белорусскости», которая «среди многих других факторов предопределялась повышенной мобильностью (изменчивостью) белорусско-польских отношений, а также этнографично-этнической и вероисповедальной непроясненностью при определении белорусами собственной национальной самоидентификации» [1, 228–229].

Таким образом, история и логика белорусско-польских взаимоотношений Пограничья может быть представлена как последовательность и совокупность ряда «культурных опытов». Среди них можно выделить основные, которые представлены как симбиоз опыта государственного (с XVI в.), конфессионального (с XVII в.), собственно-культурного, художественно-литературного (XIX–XX вв.).

Нас больше интересует третий аспект проблемы – собственно культурный. Опустив иные жанры и виды литературного взаимопроникновения культур, отметим следующее. На наш взгляд, наиболее ярко симбиотический характер культурных реляций белорусско-польского Пограничья проявился в феномене русскоязычной литературы белорусско-польского Пограничья. Говорить об отражении мультикультурности в русскоязычной литературе белорусско-польского Пограничья, написанной этническими поляками, русскими, украинцами, белорусами, можно в двух аспектах [4, 240–248].

В широком, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её функционирования в белорусско-польском регионе, и узком,

предполагающем его внутреннюю, жанрово-тематическую и стилевую специфику. В опыте отражения разных культур в русскоязычной литературе белорусско-польского Пограничья очевидно и то, что здесь осуществляется и дополняется формирование как белорусского и польского культурного кодов, так и культурного кода подляшского «я», включающего элементы других культур (русская, украинская и др.), функционирующих на данной территории. Это происходит в силу, по меньшей мере, двух причин.

Во-первых, русскоязычная литература Пограничья, находясь в пространстве исторически сформировавшегося менталитета, особенности исторического развития которого были обозначены выше, по сути, реконструирует как белорусскую, так и польскую культуры, и даже создает некую наднациональную идеологию Пограничья. Создает свой, специфический, мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства» [12, 8].

В творческом багаже практически каждого поэта и писателя Пограничья имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты, как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, с другой стороны, широко представлены разные культуры и их взаимодействие [7, 8, 9].

Во-вторых, художники слова, представители литературного белорусско-польского Пограничья, всегда испытывали явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны: например, как можно белорусу себя благополучно идентифицировать, имея в историческом багаже одновременно столько культурных имен («кривичи», «литовцы-литвины», «русины», «белорусы»)? При этом, начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метропольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей. В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания). Одновременно с этим существовала и существует по настоящее время, например, на Брестчине, автохтонная сельская (народная) культура, которая интуитивно и хаотически вбирала в себя элементы многих соседних культур.

Поэтому поиски национальной самотождественности авторами польско-белорусского Пограничья происходили как на базе своей

этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им. Достаточно вспомнить, что национальное самосознание А. Мицкевича, например, по мнению исследователей, было одновременно и выразительно польским по своему идейно-политическому звучанию и ориентации в творчестве на польском языке и, безусловно, белорусским по своей эмоционально-психологической ментальности, сформировавшейся белорусским бытовым, языковым, фольклором, песенным мелосом поэта [2, 335]. Сегодня очевидно и то, что творчество А. Мицкевича впитало и элементы других европейских культур, которые стали ему родными, и отразило мультикультурное пространство Европы и мира.

Поэтому, исследуя феномен русскоязычной литературы белорусско-польского Пограничья, можно отметить сосуществование и взаимодействие в его рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию мультикультурности.

Значит, литературу белорусско-польского Пограничья по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она создает своеобразную картину мира, демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия [5, 6]. Именно таким образом на белорусско-польском культурном Пограничье сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы, развивая как белорусские историко-литературные традиции в целом, так и белорусско-польские отношения, в частности. А обозначенные выше характеристики – симбиотичность, проблематичность национальной самоидентификации, консервативность духовных и социальных практик – вовсе не умаляет достоинств ни белорусской, ни польской культур и их значения для настоящих и будущих социальных процессов общеевропейского масштаба.

Если вектор наших исследований обратить на идею единства всех людей, которая в глобализирующемся мире становится самой актуальной, то выясняется, что сегодня при все нарастающем космополитизме культур – противоречивом, но неизбежном – опыт коммуникации белорусско-польского Пограничья может оказаться востребованным и поучительным.

То, что в эпоху локально-национальных культур квалифицируется как определенный недостаток и ущербность, в современных условиях замены этноцентризма на антропоцентризм, в условиях стирания этнокультурных границ в мультикультурном пространстве, оно неожиданно проявляет свои позитивные и креативные стороны.

Возможно, мультикультурная модель белорусско-польского региона как модель пограничного культурного и креативно-коммуникационного сосуществования окажется одной из продуктивных и значимых в глобализирующемся мире.

Литература

1. Бабкоў, І.М. Каралеўства Беларусь. Вытлумачэнне ру[і]наў / І.М. Бабкоў. – Мінск : Логвінаў, 2005. – 142 с.
2. Беларусіка – Albaruthenica : Кн. 3 : Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 432 с.
3. Даніленка, С. Міф і Радзіма: Сакралізацыя дзяржавы-Радзімы ў літ. пол.-бел. Рамантызму / С. Даніленка; рэдкал.: А.М. Ненадавец (адказ. рэд.) і інш. – Мінск : Палібіг, 1999. – 114 с.
4. Жигалова, М.П. Отражение мультикультурности в русскоязычной лирике Беларуси (на примере творчества Н. Ковалевича и Л. Красевской) / М.П. Жигалова // Качество языкового и литературного образования: содержание и методика обучения: сб. научн. ст. / Нац. ин-т образования Мин-ва образования Респ. Беларусь; под ред. Л.А. Муриной, В.Ф. Русецкого. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 240–248.
5. Жигалова, М.П. Картина мира и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси / М.П. Жигалова // Русский язык и литература. – № 7. – 2011. – Минск. – С. 22–34.
6. Жигалова, М.П. Картина мира в художественном произведении / М.П. Жигалова // Веснік адукацыі. – Минск. – 2011. – № 9. – С. 37–48.
7. Жигалова, М.П. Немецкая и польская культура в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов (на примере творчества М. Цветаевой и З. Гиппиус) / М.П. Жигалова // Publikacja zawiera referaty z V /2009/ I VI /2010 Miedzynarodowej Konferencji Naukowej. Zakladka Biblioteki. ISBN: 978-83-923124-3-7 – Wydania elektroniczne. Wydawnictwo: Podlaska Fundacja Wspierania Talentow, 2011. – С. 197–205.
8. Жигалова, М.П. Картина мира в русскоязычной лирике Беларуси / М.П. Жигалова // Publikacja zawiera referaty z V /2009/ I VI /2010 Miedzynarodowej Konferencji Naukowej. Zakladka Biblioteki. ISBN: 978-83-923124-3-7 – Wydania elektroniczne. Wydawnictwo: Podlaska Fundacja Wspierania Talentow, 2011. – С. 218–227.
9. Жигалова, М.П. Мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси и её интерпретация в учебных целях / М.П. Жигалова // Русский язык и литература во времени и пространстве / под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова. – Шанхай (Китай). – Т. 4. – 2011. – С. 537–544.
10. Жигалова, М.П. Мультикультурная личность в творчестве русскоязычных поэтов Брестчины / М.П. Жигалова // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: сб. мат-лов международной конференции. – М., 2011. – С. 399–408.
11. Жигалова, М.П. Творчество Н.М. Рубцова в мультикультурном образовательном пространстве Беларуси / М.П. Жигалова // «Душа хранит» : мат-лы научно-просветительской конф. «I Междунар. Рубцовские чтения. – Санкт-Петербургская секция. Доклады, сообщения, выступления. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 22–25.
12. Суслова, Т.И. Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации / Т.И. Суслова // Общечеловеческое и национальное в философии:

II междунар. научно-практич. конф. КРСУ (27–28 мая 2004 г.): мат-лы выступлений / под общ. ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С.177–183.

Кукашук П.

(научный руководитель Скибицкая Л.В.)

«КАЩЕЙ И ЯГДА, ИЛИ НЕБЕСНЫЕ ЯБЛОКИ» М. ВИШНЕВЕЦКОЙ: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

В 2004 году, после написанных еще во ВГИКе сказок, Марина Вишневецкая решает возвратиться к литературе для детей и создает оригинальное произведение, обозначенное ею как «роман-сказка», – «Кашей и Ягда, или Небесные яблоки». Книга вызвала острый интерес у критиков, которые адресовали тексту целый спектр жанровых определений: «литературный эксперимент», «имитация эпоса», «сага» (М. Кучерская); «исторический роман», «волшебнo-исторический роман» (Е. Гринько); «фэнтези» (Н. Неверович, М. Костюхина), «миф» (М. Порядина). Попытаемся осмыслить причины подобных жанровых характеристик (в том числе и авторской).

Поскольку писательница воссоздает далекое прошлое славян, то естественно, что в книге есть актуализированные цитаты («все ваши боги были у меня на посылках» или «омыл раны» [1]), сюжетные и композиционные заимствования из «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». Однако к историческому роману произведение Марины Вишневецкой можно отнести только условно: исторические факты распознаются косвенно (в романе «Кашей и Ягда» показаны войны с печенегами (у Вишневецкой – сражения со степняками) и прибытие варягов (в произведении – ладейные люди); действующими лицами не являются реально существовавшие исторические личности (это необходимое условие исторического романа). Термин «волшебнo-исторический роман» указывает на синтетическую природу повествования, но не характеризует многообразие источников фантастики. Между тем в романе «Кашей и Ягда» значительное место принадлежит сюжетам и мотивам мифологического происхождения.

Есть в структуре произведения Вишневецкой героическое повествование о прошлом, представляющее эпический мир и героев-богатырей, что, вероятно, и обусловило жанровое определение романа как «имитации эпоса» (М. Кучерская).

Близким к эпосу является жанр саги – литературное произведение, для которого характерна эпичность как стилевой признак, прослеживание истории семьи в нескольких поколениях. Повествование в сагах имеет